

РОСІЙСЬКА ЛІТЕРАТУРА

УДК 821.161.1-312-Маканин

DOI <https://doi.org/10.32838/2663-6069/2020.1-4/02>

Перинец Е. Ю.

ГУ «Днепропетровская медицинская академия Министерства здравоохранения Украины»

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ И АВТОЦИТАТНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. МАКАНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «НОЧЬ... ЗАПЯТАЯ... НОЧЬ»)

У статті розглядаються засоби і способи актуалізації категорій інтертекстуальності та автоцитатності в оповіданні Володимира Маканина «Ніч... Кома... Ніч» (2010). Показано, що в цьому творі письменник знову повертається до теми політичних пертурбацій, унаслідок яких з'являються знакові герої «нового» часу – покоління «політиків та бізнесменів». Художнім фундаментом такої репрезентації стає використання письменником інтертекстуальних перегуків як із прецедентними текстами, так і з власними авторськими текстами.

Виявлено, що в інтертекстуральному полі оповідання важливими є такі міфологічні сюжети та міфологеми: опозиції добро – зло, бог – диявол, космос – хаос; образ трикстера, проблема двійництва, сюжет ініціації. Інтертекстуальний зв'язок із класичними літературними та культурними знаками реалізується за допомогою посилань на творчість Гете, Гофмана, Достоевського, Гоголя, Тютчева, а також на цілий масив радянської літератури. Не менш вагомими виявляються релігійні алюзії, зокрема біблійні та індуїстські знаки.

Автоцитати та авторемінісценції («Переляк», «Обстріл», «Андеграунд, або Герой нашого часу», «Вдале оповідання про кохання», «Асан», «Дві сестри та Кандинський») демонструють творчий прийом Маканина – створення своєрідного «метатекстового лабіринту» з наскрізними сюжетами й героями. Подібний художній стиль є впізнаваною особливістю творів письменника, яка органічно вписує його творчість у мейнстрім російського постмодернізму.

В оповіданні «Ніч... Кома... Ніч» ці творчі прийоми підпорядковані важливому завданню – показати проблему ревізії моральних і духовних цінностей суспільства напередодні змін. Письменник повертається до подій, які змінили курс історії держави й кожної людини окремо, та демонструє їх із різних ракурсів. Такий підхід ще раз акцентує на повторюваності й визначеності наперед реального сюжету. Маканин натякає, що подолання наслідків цієї «вузлової точки» в історії країни, можливо, й залежить тільки від змін, які повинні відбутись у кожній людині.

Ключові слова: художній стиль, метатекст, постмодернізм, знак, міфологема, алюзія.

Постановка проблеми. Категорія інтертекстуальності являється однією з актуальних проблем сучасних філологічних досліджень, в яких розробляються і уточнюються багато теоретичні і практичні аспекти даного феномена. Творчість російського прозаїка Володимира Маканина в ракурсі цієї проблеми представляє яскраве і самобутнє явище, о чьому свідечує цілий масив дослідницьких робіт. В його творах посилання на прецедентні тексти органічно переплетаются з власними автоцитатами і авторемінісценціями, що, з однієї сторони, вписується в постмодерністську поезію, а з другої – соз-

дають унікальний маканінський мир-текст. Підчиняючись своєобразній внутрішній інерції, кожна хронологічна веха творчості письменника демонструє новий проблемний вузол, переосмислюючись в наступних творах. Так, роман «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) став в певному сенсі підсумковим і завершеним творчим етапом Маканина, абсорбував весь попередній досвід і проблемне поле його ранньої прози.

В творах 2000-х років репрезентується новий ракурс проблеми – переломний момент в історії країни і психології окремої людини. Такою «вузловою точкою» в прозі даного

периода становится политическое противостояние 1993 года и обстрел Белого дома. Это событие отображается в романе «Испуг» (2006), рассказе «Ночь... Запятая... Ночь» (2010), «Обстрел» (2014), а также имплицитно проявляется во всех остальных текстах 2000-х годов («Удавшийся рассказ о любви» (2000), «Асан» (2008), «Две сестры и Кандинский» (2011)).

Анализ последних исследований и публикаций. Интертекстуальная основа произведений Маканина 2000-х годов исследована в работах В. О. Васильевой [2], О. Л. Калашниковой [3], Е. Ю. Перинец [10], Т. Л. Рыбальченко [11]. Проблема выделения особого метатекста писателя и универсальных метанарративных стратегий его творчества освещается в публикациях Н. Ю. Букаревой, К. В. Незговоровой [1] и Т. Ю. Климовой [5].

Если произведения большой жанровой формы («Асан», «Испуг», «Две сестры и Кандинский») в ракурсе проблемы интертекстуальности попали в фокус литературоведческого анализа, то рассказ «Ночь... Запятая... Ночь» оказался вне поля зрения исследователей (за исключением упоминания в контексте проблемы авторского «московского текста» [9]). Считаем, что этот рассказ является важным звеном маканинского текста, в котором идейно-смысловая канва произведения и способы её реализации (приёмы интертекстуальности, метанарративные стратегии) находят своё дальнейшее развитие.

Постановка задачи. Целью статьи является выявление в рассказе «Ночь... Запятая... Ночь» интертекстуальных элементов и межтекстовых связей как главных приёмов поэтики Маканина. Подобный анализ позволит показать новые грани его прозы 2000-х годов, в которой происходит процесс переосмысления и ревизии ценностей русского общества.

Изложение основного материала. В самом названии рассказа отображаются хронологические рамки повествования – две ночи и один день. «Запятая», вынесенная в заглавие, отождествляется с небольшим интервалом (днём), в период которого происходят кровавые события возле Белого дома в 1993 году. Пунктуационный знак неожиданно облекается танатологической коннотацией, когда курящую женщину в тяжелом состоянии несут на носилках, студент объясняет: «Запятая! Слаще не бывает! <...> на третьем курсе это ценится и называется сделать запятую. Курнуть по-тихому на экзамене... Покурить, прежде чем идти к мрачному столу и тянуть там свой билет. Можно, мол, и здесь сказать – жен-

щина на белых носилках сейчас тоже идёт на экзамен. <...> Они принесли её мертвую» [8]. Таким образом, реализуется мифологический сюжет инициации – переход от одной ипостаси к другой. В данном контексте этот процесс имеет политический подтекст, который поясняется главным героем романа «Испуг», свидетелем этих событий: «Это просыпается новая Власть. Проснётся... Не новая Россия, а новая Власть. Вот и всё» [9, с. 408].

Политический модус рассказа репрезентирует интертекстуальные переключки с романом Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени», где один из разделов под названием «Ночь. Первый призыв» вводит в сюжет политиков новой формации. Именно с ночью, как с неким тёмным и мрачным временем, автор связывает смену власти в стране и появление «поколения бизнесменов и политиков» [9, с. 87]. Эти «хозяева жизни» начинают бороться за передел власти, что реализует эсхатологические мотивы «борьбы богов» с предсказуемыми последствиями – разрушением, хаосом и смертью. В таком контексте можно проследить переключки с творчеством Тютчева (стихотворение «День и ночь» (1839)), где ночное время обнажает человеческие страхи и слабости, становится временем торжества хаотических сил: «Бездна нам обнажена / С своими страхами и мглами, / И нет преград меж ей и нами – / Вот отчего нам ночь страшна!» [12, с. 185].

С другой стороны, именно ночное время в творчестве Маканина наполняется атмосферой любви и эротики, имеющей жизнеутверждающее начало и поэтому противопоставляющееся смерти, хаосу и разрушениям. Но в рассказе «Ночь... Запятая... Ночь» такое знаковое поле дополняется мотивами тайны, магии, соблазнения, восходящими к мифологической и фольклорной традиции. Ночь – время активизации нечистой силы, появляющейся с целью искушения людей и обнажения их слабостей. У Маканина манифестируется эротическая грань – сюжет ночного соблазнения женщины отсылает к автореминисценции в романе «Испуг», где образ женщины ассоциируется с образом России. Подобный подход позволяет предположить, что писатель в метафорическом ракурсе показывает страну, захваченную политической борьбой и переделом сфер влияния.

Примечательно, что две ночи, представленные в рассказе, резко контрастируют в событийном плане и эмоциональном состоянии героев. В первую ночь хозяйка гостиницы влюбляется в доктора Павла, приехавшего в командировку

с группой других врачей: «Влюблённость – ужасная глупость и ловушка... Лицом к лицу не выдержать» [8]. Но политический переворот становится причиной отъезда Павла, и их несостоявшийся роман с Зинаидой облекается романтическим флёром: «Он через стойку протянул руку и мягко коснулся пальцами, тронул, поправляя, завиток волос на её виске» [8]. Даже внешность и поведение героя наполнены романтическими чертами, отсылая к образу идеального рыцаря и защитника: «Когда все они с испуганными, почти белыми глазами... Когда забегали, засуетились, когда спрашивали, заикаясь, о пустяках, он с улыбкой похаживал по коридору, успокаивая коллег. Конечно, пошучивал. Он и сейчас был хорош, ясен, спокоен...» [8]. На наш взгляд, значимым в моделировании образа этого героя является его место жительства, нарочито подчёркнутом автором: «Зинаида помнила пёструю провинциальную географию их карточек. <...> Он-то из Питера» [8]. Стратегия противопоставления двух столиц становится отличительной чертой прозы Маканина, символическое завершение которого происходит в следующем фрагменте метатекста писателя – романе «Две сестры и Кандинский». Появление данного героя с его петербургской пропиской предваряет авторское решение этой проблемы, зафиксированного в последнем романе, ведь «сёстры Чехова, стремящиеся в Москву-дом, резко противопоставлены маканинским прототипам, мечтающим на пороге XXI века о Петербурге, где, по их мнению, ещё возможно обрести настоящий дом и спастись от власти криминальной и беспощадной “новой Москвы”» [10, с. 731].

Вторая ночь становится кульминацией торжества энтропии, обмана и разрушения. Это роковое время отмечено появлением двойника уехавшего петербургского врача Павла: «Зинаида выскочила к входным дверям и ойкнула... Он стоял там. Он улыбался. В светлом плаще. Она чуть с ума не сошла! Он же уехал! Нет, нет, это был, конечно, другой человек. В таком же светлом плаще. Но незнакомый. И стало ей страшновато. <...> Незнакомец был явно помоложе того, уехавшего. Но так же высок. И похожая сила взгляда. И голос, голос...» [8]. Романтическая атмосфера с первым мужчиной сменяется таинственно-волнующим поведением незнакомца Валентина, представившегося как «экстрасенс» и предлагающего женщине «магическую любовь». В образе новоявленного «экстрасенса» Валентина читатель без труда узнаёт снайпера-убийцу, ещё в дневное время сбежавшего от милиции. Таким образом

реализуется тема двойничества: врач Павел символизирует жизнеутверждающее начало, убийца Валентин – деструктивные силы. Подобная интерпретация ещё раз подтверждает задумку писателя, манифестирующего идею бездуховности и утрату ценностей, ведь «наш мир полон крови, мир полон оружия. Мир забыт Богом» [8]. Примечательно, что тема двойничества не только связывает произведение Маканина с традициями классической литературы (произведения Гёте, Гофмана, Гоголя, Достоевского и других), но и выявляет автоцитаты и автореминисценции в самом метатексте прозаика: образ двойника характерен для повести «Ключарёв и Алимущкин», романов «Андеграунд, или Герой нашего времени», «Испуг», «Асан».

Образ двойника в этом рассказе также отсылает к архетипу Тени, характерного для героя-трикстера. Согласно теории Юнга, трикстер олицетворяет коллективный образ личностной тени, то есть нежелательную часть человеческой природы, которая произведена из всех тех личностных склонностей, мотивов и характеристик, которые люди пытались устранить из сознания [13, с. 82]. Именно таким представлен Валентин в произведении – в роли убийцы, манипулятора, соблазнителя и наглого обманщика. Все эти качества согласуются и с другими функциями трикстера: стремление к нарушению табу и границ норм морали; «животное» и «провокационное» начало; амбивалентность; плутовство; функция демиурга [6, с. 201].

Черты Валентина как гипнотизёра и соблазнителя проявляются в контроле над Зинаидой, которая бессознательно выполняет его желания: «Он простым жестом с той же неменяющейся улыбкой указал ей на постель. На её постель. – Конечно, если человек хороший, симпатичный мне... Я что же? <...> Ясно! – рассуждала теперь вслух (его словами) Зинаида [8]. Таким же образом он нагло и бесстыдно обманывает женщину, утверждая, что «нашёл автомат возле соседнего с Зинаидиным дома, прямо на асфальте. Кто-то бросил» [8].

Как трикстер, Валентин постоянно перевоплощается, меняет маски и образы. Разбирая оружие, «он был похож на нагого йога в пустыне. Сидел на полу в позе лотоса» [8], а в другой ситуации он напоминает библейского сеятеля: «Он сделал широкий, щедрый взмах рукой. Лихое, размашистое движение, каким сеяли у нас хлеб и зло во все времена» [8]. Подобные культурные аллюзии, использованные Маканиным, подчёркивают и усугубляют потерю духовных ориентиров, когда

«молитва о мире» вложена в уста наглого убийцы. Функция демиурга, которая тоже присуща образу трикстера, проявляется в сотворении «нового мира» – ещё более коррумпированной системы власти, когда «наши от наших же гибнут» [8].

Синкретизм культурных знаков, раскрывающихся в образе Валентина, проявляется в аллюзии на ещё одного известного мифологического трикстера – Локи. «Колечко жёлтого металла», используемое им для «магических ритуалов», отсылает к сюжету похищения золотого кольца карлика Андвари, где проклятое кольцо приносит гибель всем, кто им владеет. Именно поэтому женщина испытывает страх и ужас, когда становится временным владельцем кольца: «Зинаида почувствовала, как под сердцем стало страшновато. Непонятно с чего» [8]. В кольце заключена символика бесконечного цикла рождения и увядания, что отчётливо намекает на повторяемость сюжета в истории страны, который фиксируется самим писателем во многих произведениях этого периода.

Примечательно, что образ маканинского трикстера обладает чертами так называемого «советского трикстера», выделенного М. Липовецким. Главными особенностями таких героев являются меркантильный интерес и зависимость от некоего хозяина, в отличие от традиционной ипостаси трикстера, для которого важна сама игра ради собственного развлечения [7, с. 244–245]. В рассказе «Ночь... Запятая... Ночь» размер награды и скрытые хозяева Валентина остаются за кадром, но можно предположить, что именно ради денег он совершает убийства, выполняя преступные приказы «новых хозяев» (новой формации «политиков и бизнесменов»). Финал рассказа остаётся открытым, а дальнейшая судьба Валентина – неизвестной, но, подчиняясь классической матрице сюжетов о трикстере, его преступления, скорее всего, останутся безнаказанными, как и сотни других преступлений таких же «советских трикстеров».

Выводы и предложения. Рассказ «Ночь... Запятая... Ночь» является одним из фрагментов метатекста Маканина, органично дополняя прозу писателя 2000-х годов. Это произведение можно рассматривать как смысловую часть романа «Испуг», репрезентирующее иную сторону тех кровавых событий, но снова возвращающее к проблеме «новых политиков и бизнесменов» как новых столичных героев. Художественными способами актуализации данной проблемы являются интертекстуальные переключки с прецедентными текстами и текстами самого автора. Доминирующими интертекстуальными источниками становятся мифологические сюжеты: оппозиции добро – зло, бог – дьявол, космос – хаос; образ трикстера, проблема двойничества, сюжет инициации. Отсылки к творчеству Гёте, Гофмана, Достоевского, Гоголя, Тютчева, а также к целому массиву советской литературы дополняют интертекстуальную канву произведения. Автоцитаты и автореминисценции («Испуг», «Обстрел», «Андеграунд, или Герой нашего времени», «Удавшийся рассказ о любви», «Асан», «Две сестры и Кандинский») вписывают рассказ «Ночь... Запятая... Ночь» в маканинский мир-текст, который «состоит из разноприродных знаков, существует в интермедиальном пространстве, где есть место и литературному, и живописному, и масс-медийному кодам» [4, с. 49]. Подобная стратегия позволяет выявить как своеобразие русского постмодернизма, так и отличительные черты творчества самого писателя, который, играя со знаками, переосмысливает моральные и духовные ценности русского общества. Постоянное возвращение к тем событиям демонстрирует некую «узловую точку», точку невозврата, изменивший курс истории государства и каждого человека в отдельности. Считаем, что перспективной стратегией дальнейшего исследования проблемы может стать выявление психологического портрета маканинских героев в прозе 2000-х годов.

Список литературы:

1. Букарева Н. Ю., Незговорова К. В. Особенности организации метатекста в прозе В. С. Маканина. *Верхневолжский филологический вестник*. 2018. № 3. С. 42–49.
2. Васильева О. Н. Феномен интертекстуальности в произведениях В. С. Маканина: автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.01. Уфа, 2015. 25 с.
3. Калашникова О. Л. «Две сестры и Кандинский» в индивидуально-авторском сверхтексте В. С. Маканина. *Держава та регіони. Серія: Гуманітарні науки*. 2018. № 1(52). С. 10–15.
4. Калашникова О. Л. Интермедиальные опыты русского постмодернизма: В. С. Маканин. *Літературний процес: методологія, імена, тенденції*. 2012. С. 45–49.
5. Климова Т. Ф. Метанарративные стратегии прозы В. С. Маканина. *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 340. С. 12–16.
6. Комиссарова У. А. Герой-трикстер в романе Бориса Акунина «Планета вода»: художественные функции и мифологическая проекция. *Вестник ТвГУ. Серия «Филология»*. 2018. № 1. С. 201–204.

7. Липовецкий М. Н. Трикстер и «закрытое» общество. *НЛО*. 2009. № 100. С. 224–245.
8. Маканин В. С. Ночь... Запятая... Ночь. Новый мир. 2010. № 1. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/1/ma4.html (дата обращения: 20.01.2020 р.).
9. Перинец Е. Ю. «Московский текст» в романном творчестве В. С. Маканина : дисс. ... канд. филол. Наук : 10.01.02. Днепропетровск, 2014. 203 с.
10. Перинец Е. Ю. Чеховский код в романе В. С. Маканина «Две сестры и Кандинский». *Молодий вчений*. 2018. № 11(63). С. 728–731.
11. Рыбальченко Т. Л. Маканин и Чехов: приближаясь к интерпретации. *Филологический класс*. 2010. № 24. С. 34–41.
12. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. *Письма : в 6-ти томах*: Т. 1. Москва : Издательский Центр Классика, 2002. 528 с.
13. Юнг К. Г. Психологии образа Трикстера. *Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов*. Киев : Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

**Perynets K. Yu. PECULIARITIES OF INTERTEXTUALITY AND AUTHOR'S QUOTES
IN V. MAKANIN'S CREATIVE ACTIVITY (BASED ON THE STORY
«THE NIGHT... THE COMMA... THE NIGHT»)**

The article considers the methods of actualization of the categories of intertextuality and author's quotes in Vladimir Makanin's story "The night... The comma... The night" (2010). It is shown that the writer in this work returns to the topic of political perturbation and the emergence of new heroes of the "new" time such as the generation of "politicians and businessmen".

It was found out that some mythological plots and mythologemes are significant in the intertextual field of the story such as the oppositions as goodness – evil, the God – the Devil, space – chaos; the image of the trickster, the problem of duality, the plot of initiation.

Intertextual connection of Makanin's story with the classical literature and the cultural signs is realized through the references to Goethe's, Hoffmann's, Dostoevsky's, Gogol's, Tyutchev's works and to many works of the Soviet literature. Religious allusions (some Biblical and Hindu signs) are also significant for creation the intertextual level.

Autoquotes and autoreminiscences ("Fright", "Shellin", "Underground, or the Hero of our time", "The successful love story", "Asan", "Two Sisters and Kandinsky") construct the special "metatext labyrinth" with recurring plots and heroes in Makanin's creative technique. This artistic style is a recognizable feature of the writer's works that insert his creative activity into the mainstream of the Russian postmodernism.

These artistic features in the story "The night... The comma... The night" are subordinated to the important task which include showing the problem of revising the moral and spiritual values of society in anticipation of change. Makanin constantly returns to the events that have changed the history of the state and every person individually. Showing them from different angles the writer demonstrates the repeatability and predetermination of the real historical events. He hints that overcoming the consequences of this "nodal point" in the history of the country is possible and depends only on the changes that should happen inside every person.

Key words: artistic style, metatext, postmodernism, sign, mythologem, allusion.